

К ВОПРОСУ О «ГНОСЕОЛОГИИ» И.В. ГЕТЕ

В настоящей статье рассматриваются взгляды великого немецкого поэта и мыслителя на проблемы познания в их связи с гносеологическими концепциями немецкой классической философии. Автор приходит к выводу, что теория познания Гете базируется на признании первенства интеллектуально-образного познания и тесно связана с основополагающей идеей мировоззрения мыслителя – идеей «продуктивности».

Великий поэт и мыслитель Иоганн Вольфганг Гете (1749-1832) никогда не причислял себя к числу «профессиональных», корпоративных философов, хотя вполне грамотно судил о философских концепциях и идеях. Не лишенным интереса представляется недостаточно исследованный в научной литературе вопрос о взглядах мыслителя на те философские проблемы, которые сегодня относят к числу теоретико-познавательных.

Проблемы теории познания не были для Гете вопросами первостепенной важности. В одной из эпиграмм Гете пишет:

Wie hast du' s denn so weit gebracht?

Sie sagen, du habest es gut vollbracht!

– Mein Kind! ich hab' es klug gemacht,

Ich habe nie über das Denken gedacht.

Даем прозаический перевод:

– Как же это ты так далеко продвинулся?

Говорят, тебе это хорошо удалось!

– Дитя мое! Я умно делал,

Я никогда не размышлял о мышлении.

Эта эпиграмма иллюстрирует тот факт, что Гете не особенно стремился теоретически интерпретировать свой способ познания. Он просто шел своей дорогой по пути изучения тайн природы. Нам представляется, что нецелесообразно говорить о гносеологии Гете как таковой. Научное и философское мировоззрение мыслителя не предстает перед нами как некое законченное и системное образование, развившееся из одного принципа и ясно изложенное в каком-либо объемном философском труде. Мы вынуждены иметь дело только с его отдельными проявлениями, из которых становится ясно, как выделяется та или иная мысль в его образе мышления, как повлияла эта мысль на его научное и художественное творчество.

Россыпи мыслей Гете, касающихся проблем познания, мы находим в его научных трудах, в «Высказываниях в прозе», в различного рода эстетических и философских заметках, набросках и этюдах, а также в многочисленных письмах. Стихотворное творчество тем более допускает разнообразное толкование заключенных в нем идей. Мировоззрение Гете было глубоко целостным, хотя и лишенным системности. Гете полагал, что любая система губит свободное творчество, загоняя его в прокрустово ложе схем, канонов и жестких рамок.

Гносеология Гете тесно связана с его основополагающей идеей о «продуктивности души». Познание природы – продуктивно, и под силу оно только «продуктивным душам». Гете полагал, что в природе нельзя различать внешнее и внутреннее, она существует вся в целостности. Исследователь, исполненный продуктивности, движется шаг за шагом по пути познания природы. Гете давал такие советы одновременно самому себе и ученым мужам: «Наблюдая природу, вы должны чтить одно подобно всему, отдельное подобно целому, – нет ничего внутри, ничего нет снаружи, потому что то, что внутри, то – снаружи. Так, не мешкая, овладейте священной-откровенной тайною» (1).

Дадим прозаический перевод стихов Гете, опубликованных им в 1821 году, в которых он обращается к исследователям тайн природы («физикам»): «Внутрь природы... – Ах ты, филистер! – не проникнуть духу сотворенному... Но только не напоминайте о таком мне и близким моим, потому что мы думаем так: шаг за шагом, глубже-глубже, и вот мы – внутри. Счастлив уже тот, кому являет она хотя бы внешнюю оболочку!.. Это я уже слышу лет шестьдесят, я клянусь такие слова – но втихомолку – и говорю себе тысячу раз: природа все дарует щедро и сполна, у природы нет ни сердцевины, ни оболочки, она все – единым разом; поверяй сперва самого себя, – что ты, ядро или скорлупа» (2).

Исследователями отмечалось, что Гете использовал для своих стихов следующие рассуждения естествоиспытателя Альбрехта фон Галлера: «Внутрь природы не проникнуть духу сотворенному; слишком счастлив уже тот, кому являет она хотя бы внешнюю оболочку». Мыслитель полемизирует здесь не со строками Галлера, а с агностицизмом как таковым, представляющим из себя сложное образование из скептицизма, неверия в человеческие познавательные возможности и пессимизма.

В том, что в природе невозможно провести искусственные границы между внешним и внутренним, Гете в целом сходится с Кантом. Г. Зиммель считает, что «природа для Канта совершенно прозрачна, и только эмпирическое знание о ней пока не полно» (3). Но такая «прозрачность» достигается путем прагматического самоограничения, о чем упоминает Э. Кассирер, который находит

такое самоограничение уже у Декарта. Кант полагает, что познаваемая вещь состоит из одних отношений, что вещь – только явление. Получается, что у Канта само «ядро» вещей однозначно выведено за пределы природы. И здесь Гете решительно расходится с Кантом в понимании сущности и явления. Природа для Канта и для Гете прозрачна, но вот в понимании самой природы воззрения мыслителей неадекватны.

У Гете сущность нельзя отделить от явления, она входит в явление. И именно явление делает *явным*, обнажает сущность вещи. Внутреннее для Гете обладает жизненностью, оно конкретно присутствует; его можно созерцать. Мыслитель и поэт нашел прекрасные слова для выражения слитности внутреннего и внешнего в природе: «**священно-откровенная тайна**». Это – только кажущийся парадокс. Именно так Гете видит природу, и только такие слова можно было найти для выражения его мысли. Природа для него открыта, видима. Тайное и скрытое – очевидно. Он говорит не только о прозрачности, а о прозрачности сокрытого и тайного в природе.

Гете не стремился к размежеванию философской мысли и поэтического слова. Он не хотел допустить чрезмерной специализации абстрактного знания и способов познания, дабы не нарушить целостного отношения человека к миру и природе, да и к самому себе как к созданию природы. Гете считал, что мысль должна сливаться с образом, а логика науки определенным способом быть созвучна поэзии.

Кажущийся парадокс мысли Гете об «открытой тайне» отнюдь не словесный, но до предела сущностный. Гете не отрывается от конкретности видения и *видения*. Ведь растение вообще, прарастение (*Urpflanze*) вовсе не кажется для Гете какой-то схемой, прамоделью, некоей абстрактной сущностью. Это – такое же растение среди растений, и оно вполне реально. Если исследователь найдет сущность растения, то он может не только увидеть эту сущность, но даже прикоснуться к ней. И именно потому, что Гете отрицает различие внутреннего и внешнего, именно по причине его отрицания чисто логических понятий он должен **созерцать** поверхностное и глубинное, внешнее и внутреннее, оболочку и ядро.

Когда Гете утверждает для любого исследователя необходимость идти вглубь, внутрь природы, – все это отнюдь не является метафорой. Все это вполне реально. Для Гете реальны и Солнце и Земля. В связи с этим хочется вспомнить гетевский образ горы из его «Зимнего путешествия на Гарц». Сам поэт так обращается к горе Брокен: «С неисследованным нутром, очевидно-таинственна, возвышаешься ты над поверженным в удивление миром и зрираешь из облаков на царства и их

величие...» (4). Подлинно исследовать природу для Гете – это означает углубляться, по сути своей, в недра горы, Земли, всей природы.

И гора – это отнюдь не метафора, не символ. Это – реальный образ «открытой тайны». Вся природа для Гете-мыслителя выступает как открытость тайны, которую можно лицезреть и осознать. Разумеется, тайна отнюдь не перестает быть тайной, но это – открытая, лежащая перед глазами тайна. А для ее разгадки нужно просто соответственно настроить свой глаз.

И именно эта открытая глазу, лежащая на поверхности тайна приводит к целому комплексу тех составляющих, которые и придают исключительное своеобразие мировоззрению Гете. Здесь и представление о мгновении – моменте творческой продуктивности, том самом миге, когда падает покров с тайны и глаз видит сущность. Лишь продуктивный дух может узреть «открыто-сокровенную тайну». Здесь и гетевское понимание света, выступающего как прозрачность, загоняющего темноту все дальше и дальше, вглубь вещи, явления.

В литературе часто утверждается, что реализм Гете не мирился с основным положением гносеологии Канта о непознаваемости «вещей в себе». Напомним, что творческое наследие Канта интерпретировалось современниками и потомками совершенно неоднозначно. Каждый исследователь и просто мыслящий человек по-своему понимал многие грани и нюансы воззрений кенигсбергского мыслителя, и это вполне естественно.

А.В. Гулыга в своих работах о Канте считает, что сам Кант вряд ли согласился бы с обвинением в агностицизме. Кант боролся со скептицизмом, любил науку, верил в прогресс знания и, скорее всего, имел в виду беспредельность процесса познания. Отметим, что сам термин «агностицизм» намного моложе Канта, ибо был введен Т. Гексли в 1869 г. В «Критике чистого разума» Кант пишет: «Наблюдение и анализ явлений проникают внутрь природы, и неизвестно, как далеко мы продвинемся в этом» (5). В этих словах звучит пафос научного познания. Границы человеческого опыта непрерывно расширяются. Но сколько бы ни увеличивались наши знания, эти границы никогда не исчезнут, так же, как никогда не исчезнет горизонт, как бы далеко мы ни прошли вперед. Гегель говорил о возможности абсолютного знания. Идея Канта о «вещи в себе», или «вещи самой по себе», не поддающейся познанию вполне, напоминает о неисчерпаемости природы.

Следовательно, у Канта все обстоит не совсем так, как об этом обычно пишут в учебных пособиях по философии, навешивая на него ярлык агностика. Разумеется, по Канту, феномен (то, чем вещь является для нас) и ноумен (то, что вещь представляет

сама по себе) принципиально различаются. И насколько глубоко бы ни продвинулось познание, наше знание все же будет отличаться от вещей, какими они являются на самом деле. По Канту, мы не можем знать, каковы предметы суть на самом деле. Ведь нельзя сравнивать то, что лежит в человеческом сознании, с тем, что трансцендентно человеческому разуму. Для Канта все сущее в мире распадается на поддающиеся познанию «явления» и недоступные познанию «вещи сами по себе».

Гете так высказался по поводу антитетики Канта: «Этот замечательный муж действовал с плутовской иронией, когда он то как будто старался самым тесным образом ограничить познавательную способность, то как бы намекал на выход за пределы тех границ, которые он сам провёл» (6).

Гете, рассуждая о спорах между материалистами и идеалистами, писал убежденному кантианцу Шиллеру: «Идеалист может защищаться от вещей в себе, как ему угодно, но он все же столкнется, не успев опомниться, с вещами вне его, и, как мне кажется, они при первой встрече всегда окажутся у него поперек дороги... Мне постоянно думается, что если одна партия, направляясь снаружи внутрь, никогда не может достигнуть духа, то другая – изнутри наружу – едва ли может достигнуть тел, и потому всегда хорошо пребывать в естественном философском состоянии и наилучшим образом использовать свое нераздельное существование, пока философы, наконец, не договорятся, как может быть снова соединено то, что они однажды разделили» (7).

В 1817 г. Гете написал небольшую заметку «Созерцающая способность суждения», название которой намекает, вероятно, на «Критику способности суждения» (1790), которую Гете знал и ценил.

В этой заметке Гете, коснувшись общей установки Канта по поводу проблем познания, обсуждает одно существенное место в «Критике способности суждения», а именно §77. Гете пишет: «...посредством созерцания вечно созидающей природы мы становимся достойными принять духовное участие в ее творениях. И если я сначала бессознательно и по внутреннему влечению без устали добивался первообраза, типического, и мне даже посчастливилось создать представление, согласное с природой, то уже с тех пор ничто не может мне помешать и дальше отважно настаивать на этой «авантюре разума», как ее назвал кенигсбергский старец» (8). «Авантюрой разума» Кант назвал гипотезу о прогрессивном совершенствовании организмов путем трансформизма. Гете употребляет здесь это выражение, по-видимому, в несколько ином смысле, чем Кант. Скорее всего, Гете полагал, что, установив «тип» морфологичес-

кого строения высших животных, он постиг творческую идею природы, ту модель, по которой она творит живые существа.

Еще раньше, в 1806 году, в стихотворении «Метаморфоза животных» он писал, имея в виду человека:

Радуйся, высшая тварь из тварей Природы!

Доступно

Мысли твоей продолжают полет

ее творческой мысли

В эту высь.

Наверное, Гете полагал, что «мысли природы» (скорее всего, это метафора, как и вообще все искусство, а не просто метафизика) объективны и он, созерцая, познает их.

Человек, по Гете, выступает инструментом самопознания для природы. При этом он считал, что многое остается пока что недоступным познанию и пониманию, но это отнюдь не значит, что заведомо существует какой-то предел для познания человеком реального мира.

В 1820 году Гете писал в заметке «Дружеский призыв»: «Надо предположить и допустить нечто недоступное исследованию, но затем самому исследованию уже не ставить никакой границы.

Разве не должен я сам допускать и предполагать себя самого, никогда не зная, что я, собственно, собой представляю, разве я не изучаю себя непрестанно, никогда не постигая самого себя, себя и других и все же радостно продвигаясь все дальше и дальше?

Так же и с миром! Пусть он лежит перед нами безначальный и бесконечный, пусть безгранична даль, непроницаемо близкое; все это так; однако да не будет никогда ни определено, ни ограничено, как далеко и глубоко способен человеческий дух проникнуть в свои и его тайны» (9).

И действительно, разум постоянно все глубже и глубже проникает в тайны бытия человека и природы, и никому из смертных не дано предугадать, как далеко зайдет человеческая воля к познанию и какие тайны откроются изумленному людскому взору. А. Эйнштейн недаром как-то обмолвился, что самое непостижимое в этом мире то, что он постижим.

Признание безусловно существующей действительности вне зависимости от сознания познающего человека было основой «реализма» Гете. Ярко иллюстрирует этот тезис следующее воспоминание А. Шопенгауэра, который некоторое время изучал учение Гете о цвете под его руководством. «Этот Гете был до такой степени реалистом, что просто неспособен был понять, что объекты, как таковые, существуют лишь постольку, поскольку их представляет себе познающий субъект. «Как! – сказал он мне однажды, взглянув

на меня своими глазами Юпитера. – Свет существует, по-вашему, лишь постольку, поскольку вы его видите? Нет! Вас бы не было, если бы свет Вас не видел» (10).

О возможностях человеческого познания Гете высказался так: «Человек, сам нечто действительно существующее, находится среди действительного мира и одарен такими органами, что действительное, а попутно и возможное, он способен познавать и производить. Все здоровые люди убеждены в своем собственном существовании и существовании окружающего».

Между тем в мозгу есть некое пустое пятно, т. е. такое место, в котором никакой предмет не отражается, как и в самом глазу есть пятнышко, которое не видит. Если человек обращает особое внимание на это место, чрезмерно пытается проникнуть в него, то он заболевает душевно, воображает здесь вещи из иного мира, которые являются, в сущности, небывшими и не имеют ни формы, ни границ, а лишь пугают, как пустота ночного пространства, и того, кто не может от них отделаться, преследуют в большей мере, нежели призраки» (11).

Гете писал: «Видеть, знать, предчувствовать, верить, и, как бы ни назывались все эти щупальца, которыми человек осязает вселенную, – все это, в сущности, должно-таки совпадать» (12). Совпадать именно потому, что все эти разные сигналы, каждый по-своему, говорят об одном и том же объекте. Схожие мысли выражены и в пятой «Римской элегии»:

*Sehe mit fühlendem Aug',
fühle mit sehender Hand.*

Дословно:

Гляжу осязающим оком,
Осязаю зрячей рукой.

Из литературы, созданной до Гете, можно найти подобные высказывания, упоминающие о «видящей руке», «руке с глазом». Скажем, Эразм Роттердамский говорил о «*oculata manus*»; образ этот Гете мог почерпнуть и из эмблематики. Круг представлений был, действительно, продуман уже давно, но у Гете этот образ приобретает особый смысл и классическую отточенность.

Вся литература, затрагивающая вопрос о гносеологии Гете, говорит о видении Гете и глазе как инструменте познания. Он сам уже глубоким старцем, незадолго до смерти, писал: «Непосредственному созерцанию вещей я обязан всем, а слова значат для меня меньше, чем когда-либо» (13). Еще в юности Гете, увлеченный Гердером, с восторгом принял его мысль о первенстве «чувства» (осязания, ощущения) перед всеми другими инструментами познания. Иоганн Гердер в своем трактате «Пластика» рассматривал вопрос о роли в восприятии скульптуры не только зрения, но и осязания.

Наверное, Гете был единственным человеком, способным в те годы воспринять эти идеи Гердера.

Нужно уметь видеть рукой и познавать рукой, считает Гете. «Видящая рука» в силе постигнуть объемную, скульптурную красоту, красоту плотскую, полнокровную, в которой не остыли желание, вожделение, жажда обладания и желание отдаваться. Такая красота не воспринимается только зрением, на дистанции; она требует для своего созерцания всего тела и всех чувств.

Но только как «человек глаза» Гете никогда не стал бы говорить о «тупом глазе». Если справедливо, что на «языке души» классической греческой скульптуры лицу и глазу не принадлежала выдающаяся роль, но что все тело, служа неоспоримой мерой воли, силы, внутреннего развития, доблести, становилось полнозвучным инструментом выражения души, то можно оценить, в какой степени впервые такой существенный пластический взгляд кладется у Гете в основу самого общего мирозерцания и мировоззрения. Для восприятия классических статуй греков нужно, чтобы их не читали только глазами, но чтобы их воссоздавали всем телом. Гете считал, что мрамор можно осязать, видеть, слышать.

Как известно, Кант в своей гносеологии использовал две пары противоположных понятий: явление – сущность и объект – субъект. Для Гете это противопоставление было несущественно, он его просто не признавал. Противопоставление явления сущности абсолютно противоречило гетевской ментальности. Сущность для него не скрывается, не прячется за феноменами, а именно является в них. Надо только уметь узреть ее:

*Der Schein, was ist er, wenn das Wesen fehlt?
Das Wesen, wär' es, wenn es nicht erschiene?*
(«Die natürliche Tochter»)

Что такое видимость, у которой нет сущности?

Сущность, может ли быть она, если бы она не являлась?

(Драма «Побочная дочь», стихи 1066—1067)

В одной заметке о морфологии Гете пишет, что «она покоится на убеждении, что все существующее должно также о себе заявлять и обнаруживаться. Это основное положение имеет значение, начиная от первых физических и химических элементов до высших духовных проявлений человека» (14).

Поэтому Гете всю жизнь находился в поисках этой *явленности* сущности в явлении, он пытался ухватить ее, увидеть собственными глазами. В этом заключалась для него роль созерцания, которым он так наслаждался и которое ставил так высоко. Видение сущности в явлении, в образе сообщало ему гораздо больше информации, чем любящая абстракция, слово, условный знак, как число

или иной символ такого же порядка. Вот почему он сказал: «Думать более интересно, чем знать, но созерцать – интереснее» (15). Об идеях он говорил: «Я... вижу их глазами» (16). Фактически теория познания Гете базируется на признании первенства интеллектуально-образного познания.

Мир явлений казался Гете таким богатым, содержательным и выразительным, что он в своих занятиях наукой не хотел уходить из него в мир абстракции, в частности математики, гипотез и теорий. Он писал: «Существует деликатная эмпирия, которая весьма интимно сливается с предметом и тем самым становится настоящей теорией» (17). Такая эмпирия, очевидно, дает как бы слепок предмета, так ясно передает его, что всякие абстрактные теории становятся излишними. «Высшее было бы – понять, что все фактическое уже есть теория. Синева неба обнаруживает нам основной закон хроматики. Не надо ничего искать за феноменами: они сами – теория» (18).

В статье «Опыт и наука» Гете выделил три вида знаний: 1) эмпирический феномен – простое явление, доступное взору любого человека; 2) научный феномен – явление, повторно случившееся, но уже в других, отличных от прежних, условиях; 3) чистый феномен – результат всех данных опыта, которые существуют не изолированно, но обнаруживаются в постоянной связи явлений. Чистый феномен – вот цель познания.

В соответствии с таким отношением к миру явлений Гете полагал, что путем систематического изучения определенного круга феноменов можно прийти к представлению как бы обобщенного феномена, своего рода типу явлений этого рода, который он назвал словом «прафеномен», «первофеномен» (Urphänomen). Все наблюдаемые в жизни феномены данного типа явлений можно рассматривать как частные случаи этого типового феномена. Отметим, что сам термин «прафеномен» мыслитель употреблял неоднозначно. Чаще всего это – тип, точнее, архетип, первоструктура. Иногда первофеномен выступает у Гете как единичное явление. Тогда, например, он пишет: «Магнит – первичный феномен» (19).

«Высшее, чего может достигнуть человек, – говорил Гете, вторя Платону, – изумление. Ежели прафеномен повергнул его в изумление, он должен быть доволен, ничего более высокого увидеть ему не дано, а искать дальнейшего не имеет смысла – это граница. Но люди обычно не удовлетворяются содержанием прафеномена, им подавай то, что кроется за ним, и в этом они похожи на детей, что, глянув в зеркало, тотчас же поворачивают его – посмотреть, что там с другой стороны» (20).

Гете писал, что исследователь «никогда не видит чистого феномена воочию... Чтобы изоб-

разить его, человеческий ум определяет все эмпирически колеблющееся, исключает случайное, отделяет нечистое, разворачивает спутанное...» (21). Прафеномен, по Гете, есть чтение книги природы (о чем он сам говорил неоднократно) и понимание ее, понимание продуктивное, метод которого состоит в таком рассмотрении явлений, при котором они обнаруживали бы свой смысл. Но Гете сам понимал все сложности, могущие возникнуть при изучении тайн природы, когда писал следующее: «Непосредственное созерцание прафеноменов повергает нас в своего рода страх, мы ощущаем нашу недостаточность» (22).

Свое представление о прафеномене Гете применил в большом исследовании цветовых явлений – хроматике, или учении о цвете (Farbenlehre). Основное морфологическое понятие Гете – «тип» с его метаморфозами – может быть сведено к тому же способу представления и исследования. В своих занятиях сравнительной анатомией Гете пришел к идее о едином скелете млекопитающих. «Как найти такой тип – это показывает нам уже само понятие такового: опыт должен научить нас, какие части являются общими всем животным и в чем разница этих частей у различных животных; затем в дело вступает абстракция, чтобы упорядочить их и построить общий образ» (23).

Вторая связка понятий кантовской гносеологии: субъект – объект, у Канта противостоящие друг другу, у Гете тоже известным образом совпадает и сливается в процессе познания; это уже видно из сказанного выше. Гете так говорит об этом: «Явление не оторвано от наблюдателя, оно скорее включено и вплетено в его индивидуальность» (24).

«Есть какая-то неизвестная закономерность в объекте, которая соответствует неизвестной закономерности в субъекте... Все, что есть в субъекте, есть и в объекте и еще что-то сверх того» (25). Это значит, что субъект и объект схожи по своей природе, они как бы произошли из одного и того же материала. Познание – это своего рода слияние, созвучание объекта и субъекта. На языке старой метафизики это объяснялось так: человек – это микрокосм, ему родственна вся Вселенная – макрокосм; человек как микрокосм, говоря образно, как бы содержит в себе самом все то, что он познает в природе (солнце, планеты, организмы, минералы и т. д.). Но, размышляя таким образом, можно низвергнуться в натурфилософию, чего сам Гете не желал.

В связи с идеей микрокосма находится также представление об антиципации, понимаемой Гете как предвосхищение. В разговоре на эту тему с Эккерманом Гете сказал: «...если бы я благодаря антиципации уже не носил в себе этот мир, то я, зрячий,

остался бы слепым и все проникновеннее, весь жизненный опыт были бы мертвыми и тщетными усилиями. Существует цвет, многоцветье окружает нас, но не будь света и красок в собственном нашем глазу, мы бы не увидели их и во сне» (26).

Данное высказывание несет в себе тот философский принцип, который привел Гете к продуктивнейшей идее его хроматики – тому тезису, согласно которому весь мир цветов имманентен глазу, откуда логически вытекал принцип И. Мюллера о специфической энергии глаза и других органов чувств.

Приведем ряд высказываний Гете по поводу теорий и гипотез в науке.

«Гипотезы – это колыбельные песни, которыми учитель убаюкивает учеников; мыслящий строгий наблюдатель все больше познает свою ограниченность, он видит: чем дальше простирается знание, тем больше обнаруживается проблем» (27). Следовательно, гипотезы не должны препятствовать исследовательской мысли в обнаружении и рассмотрении новых проблем.

Ненасытный, «продуктивный» дух исследователя выражается в том, что Гете обозначил как «деятельный скепсис, который непрестанно занят преодолением самого себя, чтобы путем правомерного познания достигать известного рода обусловленной достоверности» (28).

О необходимости трезвого отношения к гипотезам – следующее высказывание: «Гипотезы – сооружения, которые возводятся перед зданием и которые сносятся, когда здание готово. Они необходимы работнику; надо только это сооружение не принимать за само здание» (29).

А вот как он высказывается о теориях: «Теории обычно выражают чрезмерную поспешность нетерпеливого рассудка, который охотно хочет отделяться от феноменов и поэтому на их место всунуть образы, понятия, часто даже только слова. Подозревают, даже видят, что это только вспомогательное средство, но разве страстность и партийность не прилепляются всегда к таким средствам? И не без основания, так как они очень нуждаются в них» (30).

Гете полагал, что теории лишены самодовлеющего значения. «Теория сама по себе ни к чему. Она полезна лишь, поскольку дает нам веру в связь явлений» (31). К теориям вообще Гете относился с осторожностью, считая разные концепции односторонними, в разной степени лишь приближающимися к истине, к мудрости природы.

В заключение хочется привести слова выдающегося исследователя научного наследия Гете, В.О. Лихтенштадта, который сказал: «Безусловность природы и условность всех мыслей о ней: так можно бы формулировать «последнюю мудрость» Гете» (32).

Список использованной литературы:

1. Goethes Werke. BA. Bd. 1. S. 545.
2. Goethes Werke. BA. Bd. 1. S. 555.
3. Simmel G. Kant und Goethe. В., 1906. S. 29.
4. Goethes Werke. BA. Bd. 1. S. 318.
5. Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 3. С. 326.
6. Гете И.В. Избранные философские произведения. М., 1964. С. 210.
7. Goethes Werke. WA, IV. Bd. 32. S. 59.
8. Гете И.В. Избранные сочинения по естествознанию. М., 1957. С. 382.
9. Там же. С. 410.
10. Goethes Gesprdche. В., 1909-1911, Bd. 2, S. 245.
11. Goethe. Maximen und Reflexionen. Weimar – Stuttgart, 1949. №. 16
12. Goethes Werke. WA, IV. Bd.. 38. S. 65.
13. Goethes Werke. WA. IV. Bd. 48. S. 154.
14. Goethes Werke. WA. Abt. II. Bd. 6. S. 446.
15. Goethe. Maximen und Reflexionen. Weimar – Stuttgart, 1949. №. 234.
16. Гете И.В. Избранные сочинения по естествознанию. С. 98.
17. Goethe. Maximen und Reflexionen. Weimar – Stuttgart, 1949. S. 171.
18. Ibid. S. 167.
19. Гете И.В. Избранные философские произведения. С. 356.
20. Эккерман И.П. Указ. соч. С. 285.
21. Гете И.В. Избранные философские произведения. С. 119-120.
22. Goethe. Naturwissenschaftliche Schriften.. Dornach, 1982. Bd. 5. S. 370.
23. Гете И.В. Избранные сочинения по естествознанию. С. 193-194.
24. Goethe. Maximen und Reflexionen. Weimar – Stuttgart, 1949. №. 172.
25. Ibid.
26. Эккерман И. П. Указ. соч. С. 111-112.
27. Goethe. Maximen und Reflexionen. Weimar – Stuttgart, 1949. №. 179.
28. Ibid. №. 146.
29. Ibid. №. 178.
30. Гете И.В. Избранные философские произведения. С. 338.
31. Там же. С. 336.
32. Лихтенштадт В.О. Гете. Борьба за реалистическое мировоззрение. Пб., 1920. С. 468.